

УДК 111.1

DOI: 10.18384/2310-7227-2016-2-13-21

ВООБРАЖЕНИЕ И КОНСТРУИРОВАНИЕ РЕАЛЬНОСТИ: О ПЕРСПЕКТИВАХ ПРЕОДОЛЕНИЯ ОНТОЛОГИЧЕСКОГО НИГИЛИЗМА

Ильинова Н.А.

Адыгейский государственный университет

385000, г. Майкоп, ул. Первомайская, д. 208, Республика Адыгея

Аннотация. В статье рассматривается центральная для всей неклассической философии проблема оснований достоверности и утвердительности философского опыта самосознания. Вопрос о бытии и познании в условиях распада классического идеала разума приобрёл совершенно новое звучание. Ключевую позицию в объяснении отношения сознания к реальности заняло воображение, которое получило статус главного опосредствующего звена между внутренним миром субъективности и миром внешних данностей наличного опыта. Преодоление онтологического нигилизма как важнейшей черты постклассического мышления рассматривается в русле определения нового основания достоверности философского опыта. *Бытие и Слово о Бытии* взаимосвязаны, и явление каждого из них есть различение *Другого*.

Ключевые слова: воображение, сознание, конструктивизм, онтологический нигилизм, неклассическая философия, самосознание.

IMAGINATION AND REALITY CONSTRUCTION: ON THE PROSPECTS OF OVERCOMING ONTOLOGICAL NIHILISM

N. I'inova

Adyghe State University

208, Pervomajskaja Street, 385000, Maikop, The Republic of Adyghea

Abstract. The article discusses the main problem of non-classical philosophy – the foundations of reliability of philosophical experience of self-consciousness. The question of being and cognition in the context of a breakdown of the classical ideal of reason has acquired a completely new meaning. The key position in explaining the relationship of consciousness to reality is taken by imagination which received the status of the main mediator between the inner world of subjectivity and the outer world of reality and experience. The overcoming of ontological nihilism as the most important feature of post-classical thinking is considered in the mainstream of the search of new grounds for the validity of philosophical experience. Being and the Word about Being are interconnected and each phenomenon is a mere differentiation from the other.

Key words: imagination, consciousness, constructivism, ontological nihilism, non-classical philosophy, self-consciousness.

Актуальность темы статьи и её центральная проблематика обусловлена давно назревшей необходимостью решения задачи самоопределения философского опыта мышления в условиях принципиальной нестабильности социокультурной эволюции в новейшее время. Смысл и предел существования философии как субъективной формы деятельности человека и соответствующей философской картины реальности сегодня прямо зависит от того, насколько оказываются востребованными аутентичные формы самосознания культуры, личности и общества, то есть насколько сам человек как носитель транслируемых кодов идентичности готов принимать на вооружение вырабатываемые самим сознанием «правила» конструирования реальности. Неоднозначность ответа на этот вопрос, прежде всего, связана с тем, что подобное принятие существенно трансформирует *знание* о мире, полагая его в качестве опоры не только универсальной картины мира, но и её личного шифра. А в условиях господства массового типа культуры далеко не всегда такой личный разъём самосознания гармонизирует с системными шаблонными схемами, «языковыми играми» и пр. Обращение к теме воображения сегодня позволяет вскрывать новые возможности созидания реальности человека, таящиеся в творчестве и мышлении [4].

Важнейшей особенностью постклассического сознания является онтологический нигилизм. Само качество «современности» для философии в наше время прежде всего идентифицируется именно по этому основанию – отношению к вопросу о бытии (может или не может филосо-

фия высказываться о *первой* сущности или подобные усилия давно пора сдать в архив и заняться осмыслением естественнонаучной картины мира). Нигилизм вообще является одной из самых отличительных черт современности – в широком смысле слова начиная с эпохи Французской революции и вплоть до «информационной революции». А *нигилизм онтологический* можно рассматривать как своеобразную квинтэссенцию общего мировоззренческого настроения новейшего времени. Причём, что самое интересное, нарастание нигилистического настроения в оценках и рецепциях онтологических сюжетов в их традиционном измерении выступало оборотной стороной медали роста конструктивизма и инструментализма в самых различных вариациях.

Утрата форм причастности индивидуального и коллективного сознания и опыта метафизическим реалиям создала предпосылки поиска конструктивных путей искомого единения. Культурный и социальный опыт людей может, конечно, исторически меняться как метод связи индивидов. Однако наличие имманентной сращенности выступает для самого сознания необходимым условием собственной целостности и идентичности. Поэтому конструктивизм стал модернистским вариантом развития онтологизирующей философской мысли, не отрицающим центральный тезис о бытии, а переиздающим его в совершенно новой редакции, отвечающей запросам новейшей ситуации самого человека. Кроме того, возможность именно *построения* собственной желательной реальности в соответствии с выбранной целью или идеальным

планом составляет для современного сознания необходимый момент самообоснования собственной целостности и уникальности «Я», его свободы и т.д. Это желательное увязывается как с временным аспектом бытийствования (тема будущего и контингенции), так и с конкретным уникальным содержанием различия единичного опыта.

При этом апелляция к воображению на уровне онтологического измерения антропологического опыта и создания предпосылок его продуктивного «режима функционирования» рассматривается в неклассической философии и аналитической традиции как сугубо положительный и необходимый фактор жизни сознания. Воображение – это не то, что, условно говоря, отсрочивает полноценную жизнь субъекта (лишь мечтающего о желательном и замещающего своими грёзами реальное положение вещей в своей жизни), а, наоборот, то, что в наличной действительности, в присутствующем опыте сознания, самосотнесения полагает меру тождественности как заданную всецело на уровне имманентной цели развития, смысла, абсолютной «шкалы» ценностей. Через воображение в опыте сознания будущее не разрушает актуальное настоящее (сущее), а, напротив, «растягивает» его в *дление* становления «Я». На это отличие понимания связи воображения и будущего верно указывает в своей книге С. Гроф: «Наша фантазия реагирует на это чувство экзистенциального дискомфорта, создавая образ будущей ситуации, которая принесёт удовлетворение и исправит все восприимчивые ныне пороки и недостатки. Экзистенциалисты называют этот механизм “втопроецированием”

в будущее. Последовательное применение данной стратегии влечёт за собой модель жизни, которую называют “вечной суетой” или “мышшиной вознёй”, – погоню за миражами грядущего счастья и неспособность в полной мере наслаждаться тем, что доступно в настоящем. Зачастую люди живут так всю жизнь, пока смерть не раскрывает им истину, а с нею всю пустоту и тщетность такого существования» [2].

Безусловно, ставить знак равенства между классической философской онтологией и онтологическими проектами XX столетия принципиально нельзя. И в первую очередь нельзя потому, что внутри самой философии (да и науки также) сложились серьёзные и устойчивые сомнения относительно возможности *онтологии как таковой* – онтологии, понимаемой в докантовском смысле как Слова о Бытии, аутентичность которого не подвергалась сомнению, равно как и референциальность самого предмета сказывания – бытия. Такая старая онтология развивалась *параллельно* с теорией познания, что также свидетельствует о её фундаментальных особенностях, а именно: и само человеческое мышление, и мир, реальность, данная в опыте чувственного и рефлексивного восприятия, рассматривались как замкнутые в себе константы. При этом сознание оценивалось критериально в зависимости от своей «способности» приближаться к максимально полному (в идеале – абсолютному) отображению реальности. Теория познания дистанцировалась от проблемы сущности самого бытия, поскольку ни предмет, ни метод как первой, так и второй области вопрошания не увязывались в единое целое. Все основные

оппозиции классической метафизики покоились на этом исходном различии мысли о бытии и самом бытии. Конечно, любая гносеологическая установка нацеливалась на раскрытие, познание именно сущности предмета. Но, заметим, возможность такого познания всецело оценивалась с точки зрения потенциальных ресурсов и склонностей самого субъекта, индивида. Сущность же предмета, даже греческий платоновский *эйдос*, никак не коррелировала с выявлением данных скрытых ресурсов. Отметим, что в данной статье термины «онтология» и «теория познания» употребляются достаточно формально, скорее следуя сложившейся за последние пару столетий академической традиции, просто фиксирующей определённые предметные области знания и аналитики, чем признавая статичную данность реальности Бытия и Слова о нём в пространстве современной мысли и культуры. В терминах «онтология» и «теория познания» сегодня гораздо больше дискурсивного комфорта и прагматики, чем метафизики и выражения динамики природы философского опыта как опыта универсализации правила соотношения человеческой особи и *Абсолютного Лица* истории. Не понимать и не принимать это – значит просто обходить стороной фундаментальный вопрос о том, что предмет философии независимо от его имени в разные исторические контексты не появляется из мглы «ничто» и не исчезает туда же в другое время. В его портрете – отображение ситуации самой мысли и её носителя – индивида. Ситуация человека в рамках по крайней мере европейской цивилизационной традиции есть ситуация самой философии рав-

но в той мере, в какой актуален вопрос о становлении свободы человека не только в социальном институциональном аспекте (хотя и он тоже связан с метафизикой), но и в плане самоуверения собственной запредельности «Я» по отношению к самому себе. Если Бытие случайно как предмет вопрошания, то случайна и сама человеческая мысль, случайно стремление владеть языком, на котором возможно чистое выражение *Иного*.

Принципы трансцендентализма, во многом завершившие опыт начатого ещё на берегах Эгейского моря вопрошания о бытии и его устройстве, а также о специфике человеческого «Я», в ситуации новейшего времени и глубочайших метаморфоз фундаментальных культурных смыслов и трендов были подвергнуты новой редакции в феноменологическом проекте – крупнейшем в философии XX в. Эти изменения, что для нас наиболее существенно, были прямо связаны с переосмыслением сути и роли воображения в жизни человека, в его отношении к окружающему миру, другим людям, собственному прошлому и ожидаемому будущему. Подчеркнём, что феноменология, равно как и классический (ближайшим образом, кантовский) трансцендентализм, нас интересуют не сами по себе, а именно как выражение, как прямое свидетельство своеобразной судьбы самого сознания как субъекта и как предмета философского опыта мысли.

Европейский рационализм, много раз становившийся предметом и критики, и хвалебных од, на самом деле гораздо шире практически любого своего определения. Это обусловлено тем, что желание максимально полно

и точно определить то или иное явление духовной культуры неизбежно сталкивается с лимитом используемых языковых и смысловых средств и концептов. Рациональность всегда выплёскивается за те свои грани, которые традиционно воспринимаются как её имплицитные свойства. Тот неоспоримый факт, что воображение, начиная с эпохи Просвещения и вплоть до сегодняшнего дня, уверенно занимает ключевые позиции в картине реальности человека, культуры и истории, познания и мира как такового, говорит в первую очередь о том, что наше представление о специфике западной (да и русской тоже) философии в её классическом варианте и постклассическом самоосмыслении, самосознании, всякий раз оставляло за бортом что-то принципиально значимое. И мы можем предположить что: способность рациональной установки сознания как его фундаментальной стратегии охватывать мышление, направленное во внешний мир, как *целое*, в котором любая «логика», любая стратегия уже включает в себя «элемент» собственного проговаривания, считывания, *диалога* с иными типами мысли и акциями Духа. В противном случае, и это очень хорошо демонстрирует нам судьба так называемой формальной логики (достаточно хотя бы вспомнить знаменитые теоремы Гёделя о неполноте), мы никогда не достигнем «дна», предела означивания реальности, владения всеобщими «правилами» чтения (перевода, трансляции и т.п.), универсальным синтаксисом и грамматикой. Круг не замкнётся. А, следовательно, и сама мысль, опыт сознания, присутствующее в безграничном Космосе «Я» не сможет увидеть самоё себя, узнать

себя в своей *всего лишь предполагаемой* свободе и духовной энергетике.

Философия на протяжении последних нескольких столетий, преодолевая тяготение своего исходного «генетического» начала (как чистого мышления о мире идеальном, субстанциональном), стремилась удостоверить этот первичный «инстинкт», или интуицию, Единого и Абсолютного, расширяя ту замочную скважину, посредством которой ей открывается это самое Абсолютное. Воображение, как показывает анализ основных тенденций неклассической онтологии, фактически стало главным методом или способом направленного восприятия действительности и её познания со стороны субъекта (как бы последний ни именовался в разных традициях и дискурсивных трендах), в ходе которого действие соответствующей рациональной матрицы (парадигмы) уже включает в себя её «осмысленность», её референцию.

Для новейшей онтологизирующей мысли вопрос о достоверности знания (мысли) и вопрос о степени открытости и доступности предмета (бытия) этому знанию есть прежде всего вопрос о том, в какой мере его выраженность и обращённость вовне есть одновременно его самосказывание. При этом, чем выше степень абстрактности знания, чем сильнее его внутреннее напряжение, то есть чем в большей степени проблема истинности и достоверности рассматривается как вопрос о судьбе самой философии, её наследии и её будущем, тем острее и сильнее звучит данное требование. В этом смысле слова крупного американского философа Нельсона Гудмена, яркого представителя конструктивистской мысли

минувшего века, очень симптоматичны для сложившейся ситуации: «В целом философия нынешнего времени в чрезмерной степени является<...> философией по поводу философии; характерным философским прибежищем современности является не метафизика, но метафилософия» [3, с. 279]. Эти слова Гудмена о «метафилософии» имеют под собой ту же проблематику и общую смысловую платформу, что и гуссерлевская проблема феноменологичности самой феноменологии, «ко-референциальности» Рикёра, «ничто» «для-себя-бытия» Сартра и многие другие конструкты модернистской мысли, вызванные к жизни не столько познавательным любопытством или широтой охвата универсума их создателями, сколько настойчивым желанием закрепить какое-то новое основание области философского мышления как опыта самосознания.

Желание обладания истиной в XX в. стало в первую очередь желанием обладания универсализированным способом *сказывания* о сущностях любого порядка. Проблема познания (равно как и онтологическая тематика в своей классической редакции) оказалась проблемой поиска не сущности самого предмета как такового, а поиска «среднего члена» – той «точки» опоры сознания, с которой открывается самоподдерживаемый взгляд-охват деятельности сознания, то есть вовлеченности в его орбиту всякого *иного*. И вот здесь как раз философия современной эпохи без воображения обойтись не смогла.

Такой поворот в новейшей философии и составляет объективное основание удостоверения сознания в том, что ранее было доступно только на уровне

предположений и необходимых допущений. Природа человеческой свободы, нравственного самосознания и весь богатейший мир человеческой культуры, разразившийся в пространстве и времени всемирной истории бесконечными вариациями продуктов и творческих акций, отныне получил со стороны самой познающей и сказывающейся мысли «золотой ключ» к заветному ларцу сбывающегося имманентного стяжения собственной сущности. Подчеркнём в данном случае ключевое слово – *сказывающейся* мысли. Развитие феноменологии и различные интерпретации кантовской «критики» идеала классического Разума подтверждают предположение о глубинном тектонизме человеческого сознания. Словом, самоутверждение «Я» как на микроуровне сингулярного сознания, так и на мегауровне культуры вообще как целостного организма, реализуется как реальный (то есть обладающий потенциальной возможностью быть выраженным и прочитанным вовне) онтологический процесс только при условии *отождествления* позиции охвата потока сознания как *целого, завершённого* и его внутреннего содержания. Данное тождество и образует основание свободы сознания. В ином случае свобода превратится в механизм как подлежащее *чужой* работы (пусть даже и творческой). Подлинное творчество не может быть не духовным. Независимо от того, идёт ли речь о резке мрамора, отливке бронзы или нанесении нот на нотную бумагу! А тем более если говорить о философском поиске, в котором прочно сплавлены в единый поток теоретическое, рефлексивное, рациональное и личное, интимное, экзистенциальное,

интуитивное, ценностное. Н.А. Бердяев писал: «В познании о себе самом человек приобщается к тайнам, неизвестным в отношении к другим. Я пережил мир, весь мировой и исторический процесс, все события моего времени как часть моего микрокосма, как мой духовный путь. На мистической глубине всё происшедшее с миром произошло со мной. И настоящее осмысливание заключается в том, чтобы понять всё происшедшее с миром как происшедшее со мной» [1, с. 309]. И даже такое логизированное и предельно абстрактное, как в проекте Гуссерля, стремление создать максимально «чистую науку», найти основания самой философии как «строгой науки» не в меньшей, а даже в ещё большей степени выступает проектом субъекта, «Я»-концепцией, имеющей самое прямое отношение к судьбам культуры вообще, а не только сциентизма или метафизики.

Указанное тождество, начиная с Канта, всё в большей степени связывалось именно с воображением. А в неклассической философии XX столетия (что видно на примере юнгианской традиции и экзистенциальной герменевтики) никакого иного «свойства» сознания или его неявной способности не выдвигалось в принципе. Апелляция к воображению позволила неклассической философии ответить на вопрос, каким образом *внутренняя* структура сознания, его имманентная тектоника (архитектоника), связанная с временностью и полаганием образов (как сартровского «для-себя-бытия») в качестве феноменов «освидетельствования» метаматериальной, метафизической силы, *актуальной энергии*, сознания, становится непосредствен-

но платформой конституирования *внешнего* мира человеческого опыта, собственно *культуры как таковой* в самом широком и фундаментальном смысле этого слова. Иными словами, культуры как органического единства того, что есть *феномен* в «чистом» смысле слова, как того, что не задаётся естественным порядком вещей и не требует для своей бытийной полноты бесконечного ряда отождествления, а удостоверяется лишь собственной *границей* – пределом как Ликом.

Речь идёт о том, что продукт человеческой деятельности первоначально формируется в сознании, причём, и в этом важнейший концептуальный штрих неклассической онтологизирующей мысли, формируется в сознании не как некий фантом путём усиленного и направленного *как бы искусственного* перцептивного или апперцептивного потока (не случайно, начиная с Юма ещё, проводится в философии онтоносеологическое различение фантазии и воображения). Если бы дело обстояло таким образом, то рассыпалась бы в мгновение вся сложная, но устойчивая конструкция феноменологии и аналитики *Dasein*. Полагать *Другое*, вскрывать пульсирующую домну *Возможного*, эмануруя его могучий пыл в наличное царство горизонта «Я», – составляет имманентную природу опыта сознания как самоподдерживаемой и самоконституируемой реальности. Сознание вообще, опираясь на немецкий классический идеализм и неклассическую философию новейшего времени, можно определить как владение *Другим* или, по-иному, владение бесконечностью. Поэтому мир культуры как то, что создаётся «руками» и «головой» человека, от науки и техники и вплоть

до самой метафизики, мистического и религиозного опыта причастия Абсолютному, выступает опытом **актуального явления** для конечного естества бесконечности. Каждый конкретный продукт как то, с чем себя может ситуативно идентифицировать сознание, оказывается той самой «точкой скольжения» (здесь уместно вспомнить концепт «инфлексия», который так точно и ёмко в философии Жюль Делёза выразил сущность самотождественности, которая в своей точечности контрапунктирует самой же себе), означающей каждый раз открытость и свободу в онтологическом смысле.

На этот смысл и указывает сформулированное выше тождество: опыт сознания в каждой своей ситуации равенства самому себе всегда больше самого себя, то есть *этого* сливающегося с самим собой равенства. Строго

говоря, конструктивистские тенденции в философии XX в. (причём как в западной, так и в отечественной), свидетельствуют о сохранении фундаментального положения гегелевской концепции спекулятивного знания об абсолютном тождестве как *тождестве в различии* (пусть в других терминах и иных коннотациях). Именно об этом говорит тот факт, что практически все основные направления неклассической философии разными путями, но приходят к одному выводу: специфика человеческого бытия, сущность культуры, свободы, духовности может быть объяснена только путём раскрытия механизма, каким образом воображаемое целое, единое, цель и форма (телос) становится основой жизнеспособности налично данного «здесь и теперь» содержания опыта.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Бердяев Н.А. Самопознание // Избранные произведения. Ростов-на-Дону: Феникс, 1997. 544 с.
2. Гроф С. Космическая игра. Исследование рубежей человеческого сознания [Электронный ресурс]. URL: http://royallib.com/book/grof_stanislav/kosmicheskaya_igra_issledovanie_rubegey_chelovecheskogo_soznaniya.html (дата обращения: 05.01.2016).
3. Гудмен Н. Способы создания миров. М.: Идея-Пресс, Логос, Праксис, 2001. 376 с.
4. Ильинова Н.А. проблема воображения в «философии тождества» шеллинга // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Философские науки. 2015. № 4. С. 93–100.

REFERENCES:

1. Berdyaev N.A. Samopoznanie [Self-knowledge] // Izbrannye proizvedeniya [Selected works]. Rostov-on-Don, Feniks, 1997. 544 p.
2. Grof S. Kosmicheskaya igra. Issledovanie rubezhei chelovecheskogo soznaniya [Space game. The study of the Frontiers of Human Consciousness [Electronic resource]. URL: http://royallib.com/book/grof_stanislav/kosmicheskaya_igra_issledovanie_rubegey_chelovecheskogo_soznaniya.html (request date: 05.01.2016).
3. Gudmen N. Sposoby sozdaniya mirov [How to Create Worlds]. M., Ideya-Press, Logos, Praksis, 2001. 376 p.
4. Il'inova N.A. Problema voobrazheniya v «filosofii tozhdestva» Shellinga [The Problem of Imagination in Schelling's «Philosophy of Identity»] // Bulletin of Moscow State Regional University. Series: Philosophy. 2015. No 4. Pp. 93–100.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Ильинова Надежда Александровна – кандидат социологических наук, доцент, заведующая кафедрой философии и социологии Адыгейского государственного университета;
e-mail: nady_i@bk.ru

INFORMATION ABOUT AUTHOR

Nadezhda Alexandrovna I'ina – PhD. in Sociology, Associate Professor, Head of Philosophy and Sociology Department, Adyghe State University;
e-mail: nady_i@bk.ru

БИБЛИОГРАФИЧЕСКАЯ ССЫЛКА

Ильинова Н.А. Воображение и конструирование реальности: о перспективах преодоления онтологического нигилизма // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Философские науки. 2016. №2. С. 13-21
DOI: 10.18384/2310-7227-2016-2-13-21

BIBLIOGRAPHIC REFERENCE

N. I'ina Imagination and Reality Construction: on the Prospects of Overcoming Ontological Nihilism // Bulletin of Moscow State Regional University. Series: Philosophy. 2016. No 2. P. 13-21
DOI: 10.18384/2310-7227-2016-2-13-21